

ГЛАВА 1

Дрезина, пыхтя двигателем, медленно проехала мимо, оставляя над железнодорожным полотном шлейф запаха бензина и моторного масла. Сырость ночного сентябрьского леса, казалось, впитывала эти запахи железной дороги, раздражая, заставляя ненавидеть врага еще сильнее. Тяжелое низкое пасмурное небо давило, хотя во тьме ночи его было не видно. Оно ощущалось. Еще давила тишина. Зловещая, почти могильная тишина, когда не слышно ни шелеста листвы, ни птичьих голосов, ни лая собак. Только тишина и хриплое дыхание лежащего рядом товарища.

Сколько уже было позади таких операций, когда приходилось вот так лежать и ждать сигнала. Целиком обращать в слух, чтобы не пропустить свист дозорного. И тогда надо вскочить и бежать к железнодорожному полотну. И забывать обо всем, потому что время пойдет не на минуты, а на секунды. Саперной лопаткой вы-

рыть в щебне под рельсом ямку, обдирая руки и ломая ногти. Потому что лопатка скользит по камню, и зачастую быстрее выгребать щебень именно руками. А потом заложить взрывчатку, вставить детонаторы и бежать назад. И можно не успеть, можно нарваться на немецкий патруль, и тогда заканчивать работу и бежать назад придется под пулями. Товарищи будут прикрывать, но все равно будут потери. Сколько уже соратников осталось лежать на полотне! Нельзя помогать раненым, нельзя трогать убитых. Нужно бежать и успеть взорвать полотно. Таков приказ Родины. Раненых уносить тогда, когда заложен заряд и вставлен детонатор.

Иван Васьков воевал в партизанском отряде уже два года. Обычный сельский милиционер, он до последнего помогал эвакуировать предприятия, партийные и государственные архивы. А сейчас прикрывал вместе с остатками какой-то роты последнюю колонну, удерживая хлипкий деревянный мосток. Пальцы совсем онемели. Иван разжал руку, поняв, что слишком сильно стиснул упаковку со взрывчаткой. Он пошевелил пальцами, разминая кисть, и тут раздался протяжный свист дозорного. Вперед!

Мишутка Панин сидел на толстой ветке тополя, росшего в десятке метров от полотна. Отсюда

железную дорогу было видно в обе стороны почти на километр. Хотя ночью можно было и не разглядеть дрезину, если она поедет с выключенными фарами. Или пеший патруль, если он пойдет без фонариков. Но у четырнадцатилетнего мальчишки был зоркий глаз и острый слух. И партизаны доверяли ему, как самим себе. Замерев и вжавшись в ствол дерева, Мишутка дождался, пока проедет мотодрезина с автоматчиками. Ему было страшно. А вдруг заметят — и тогда очередями снимут его, как глухаря. Он испытывал страх, но и злорадство. Ведь не видят, и много раз не видели и не догадывались гитлеровцы, что дозорный под самым носом, вон на дереве притаился.

Потом ответный свист, и мальчик буквально слетел с дерева, упав в жесткую сухую траву. Топая ботинками по камням, он перебежал через полотно и очутился в руках Ивана.

— Молодец, Мишка! — с шумом выдохнул бывший милиционер. — Дуй к лесу, мы взрываем.

И снова, как и в прошлый раз, небо осветилось яркой вспышкой и по ушам больно ударило взрывной волной. Земля вздрогнула под ногами, как от боли. Мишутка схватился за голову, но продолжал бежать. Он не слышал топота ног других партизан, его немного оглушило близким

взрывом, но он знал, что сегодня операция прошла удачно, что все бегут назад за ним следом. Получите, проклятые фашисты, развороченное в трех местах железнодорожное полотно! Не успевает враг чинить железную дорогу, не успевает перебрасывать военные грузы и войска. По всей прифронтной полосе сейчас гремят взрывы: это партизаны по единому плану командования одновременно рвут рельсы и мосты, пускают под откос составы, партизаны многих отрядов и соединений. «Рельсовая война» идет в тылу у гитлеровских войск!

Голос Верховного главнокомандующего был спокойным, даже вкрадчивым. Но от этого голоса рука генерала Пономаренко сделалась влажной. И ему пришлось сильнее сжимать телефонную трубку, чтобы та, не дай бог, не выскочила из ладони. Пропустить что-то из слов Сталина было бы катастрофой.

— Как вы лично считаете, товарищ Пономаренко, результаты «Рельсовой войны» удовлетворительны? Это те результаты, которых мы ожидали, когда в марте решили восстановить Центральный штаб партизанского движения?

— Так точно, товарищ Сталин, — стараясь говорить бодро и уверенно, заявил Пономарен-

ко. — Как мы и планировали, партизанские бригады одновременно начали взрывать железнодорожное полотно и составы почти на всем протяжении прифронтной полосы и тактических тылов фашистских войск. По нашим сведениям, немецкое командование бросило дополнительные силы армии на охрану железной дороги, мостов, станций. Подразделения выделены из резервных частей, а также частей, которые подлежали отправке на передовую. Одновременные действия партизанских отрядов вынудили гитлеровцев попытаться наладить подвоз рельсов из Польши, Чехословакии. Они, товарищ Сталин, даже разбирают пути, чтобы из двухпутных участков сделать однопутные и таким образом не уменьшать пропускную способность железной дороги.

— И все же вы просили Ставку провести вторую фазу этой операции? Значит, успех не был достигнут в нужном объеме?

— Так точно, товарищ Сталин! — Пономаренко переглянулся с полковником Корнеевым и полез в карман кителя за носовым платком. — Второй фазы требует обстановка на фронте. Командиры частей и соединений ощутили пользу от нашей операции. Но были и недочеты, товарищ Сталин. Нам не всегда удавалось в полной мере

обеспечивать партизанские отряды взрывчаткой и опытными инструкторами-взрывниками.

— Вам удалось, товарищ Пономаренко, парализовать железнодорожные перевозки в тылу у фашистов?

— В значительной мере, товарищ Сталин, в значительной мере! Мы постоянно поддерживаем связь с командованием армий и фронтов. К нам поступает информация о срывах переброски резервов врага на некоторые участки фронтов.

— Большие потери, товарищ Пономаренко? — вопрос прозвучал уже со строгой интонацией.

— Большие, товарищ Сталин, — честно признался Пантелеймон Кондратьевич. — Немцы усиливают охрану железной дороги, проводят карательные операции.

— Ответьте мне еще на один вопрос. Вы считывали ущерб и последствия для нас от операций «Рельсовая война» и «Концерт» для Красной Армии, для Советского Союза? Нам ведь эти дороги восстанавливать нужно. Нашей армии придется наступать, и в полосе ее наступления окажутся разрушенные железнодорожные пути и мосты. Как говорят в народе, «овчинка стоит выделки»?

— Война, товарищ Сталин, — чувствуя угрозу в словах главнокомандующего, обреченно заявил

Пономаренко. — Жертвы неизбежны. Весь народ, не щадя жизни, сражается с врагом. С нечеловеческим напряжением всех сил.

В трубке слышались короткие гудки. Пантелеймон Кондратьевич осторожно, будто боясь повредить телефон, опустил трубку на аппарат. Хотелось облегченно шумно выдохнуть, но он этого не сделал. Этот разговор мог закончиться чем угодно, в том числе и обвинением лично его, Пономаренко, в плохой организации операции, которую, кстати, предложила именно Ставка. А может, и в измене Родине. Впрочем, еще неизвестно, что будет в дальнейшем. Но Сталин сейчас задал вопросы, которые не раз обсуждались в Штабе партизанского движения и в разговоре с командующими фронтами и армиями. Ведь всем предстояло наступать, предстояло перебрасывать огромные силы на большие расстояния, проводить перегруппировку войск, маневрировать резервами. Как опытный руководитель, Пономаренко понимал, что взорванные пути, недостаток рельсов скажутся и на послевоенном восстановлении хозяйства. Все, что нещадно разрушено войной, предстояло восстанавливать. Но до этого еще нужно было дожить. Дожить, победить врага, изгнать остатки его полчищ со своей земли. Когда это будет... Как это будет...

Полковник Корнеев, отвечающий в Штабе партизанского движения за разведку, понимающе покивал. Бремя ответственности на войне нести тяжело. Тяжело от понимания, что твои приказы, твои решения приводят к гибели десятков, сотен и тысяч людей. Чем выше твоя должность, тем больше твоя личная ответственность за жизни огромного количества солдат и командиров. Ты посылаешь их в бой, посылаешь на смерть, и сколько погибнет советских людей, зависит от тебя. Тяжело сознавать, что погибшие будут обязательно потому, что это война. Но еще тяжелее понимать, что одна твоя ошибка может привести к гибели еще сотни и тысячи людей, которые могли бы жить и сражаться дальше. И у них есть семьи: жены, дети. Или нет семей, и теперь уже никогда не будет, не родятся дети. Через это понимание тоже нужно пройти, перешагнуть, заглушить его в себе, иначе не сможешь командовать. Главное, помнить всегда, что это люди.

— Верховный недоволен? — спросил Корнеев.

— Мне кажется, что он сам не принял для себя окончательного решения и ищет ответы в наших головах, — недовольно ответил Пономаренко. — Вот только как быть тем, кто окажется не союзником, а противником его мыслей. Не я один принимал решения, не мне одному их принимать

и дальше. Ладно, сейчас не об этом думать нужно. Что у вас, Тарас Федотович? С чем вы пришли?

— Нужно активизировать разведку, Пантелеймон Кондратьевич. Силы партизан ограничены, и возможности тоже. Мы с вами прекрасно понимаем всю сложность партизанского движения и его возможности. Массовость — это огромный плюс, но вот умения и навыки не всегда отвечают тем потребностям, которые мы имеем. В руководстве НКВД, к счастью, это тоже понимают. И довольно активно идет заброска в тылы фашистов подготовленных групп, которые призваны возглавлять, координировать действия стихийных партизанских отрядов. Обучать и привлекать их к своим операциям. Но для нас важны даже не столько активные боевые действия партизан, сколько их умение вести разведку. Квалифицированно и толково оценивать факты, умение их добывать.

— Что вы хотите этим сказать?

— Важно выявить перемещение специализированных подразделений вермахта, которые используются для восстановления железнодорожных путей и мостов. Важно зафиксировать и оценить объемы переброски рельсов и шпал к местам ремонта железной дороги. Немцы не могут одновременно всюду восстанавливать по-

врежденные участки полотна. Им важнее в нужном месте иметь готовые пути для переброски резервов. А это значит, что подвозка и хранение большого количества рельсов и шпал в определенном месте говорит о подготовке к передислокации или контрнаступлению вражеских войск на том или ином участке фронта. Нам нужно выходить на командование соединениями Красной Армии и просить помощи. Взрывать могут и партизаны, а вот добывать информацию, тем более в условиях, когда уничтожаются целые населенные пункты в местах важных транспортных узлов или в полосе предстоящего наступления, могут только подготовленные люди. Нужен приказ Ставки, который бы обязывал командование оказывать нам эту помощь.

Лейтенант Соколов открыл люк и уселся в нем, подставляя лицо свежему, душистому сентябрьскому воздуху. Хотелось расправить плечи, потянуться от долгого сидения в тесной танковой башне, рассчитанной на двух человек: наводчика и заряжающего. Но как быть командиру взвода, командиру роты, которые непосредственно идут в бой вместе со своими подразделениями? А командовать ротой и одновременно искать цели, стрелять из орудия невыносимо сложно. Или ты

будешь подбивать немецкие танки, или командовать подразделением. Совмещать эти вещи невозможно. А танк на поле боя, который не стреляет, будет подбит через пять минут. В лучшем случае. Командиры полков и дивизий, которые имеют тоже свои командирские машины, могут позволить не иметь наводчика, могут позволить себе использовать командирскую машину именно как передвижной бронированный командный пункт, но для взводного и ротного — это непозволительная роскошь. Смертельная роскошь. Вот и приходится при первой же возможности при поступлении новой техники выбирать машины с башнями нижнетагильского производства, которые были чуть больше и на которых устанавливались отечественные экспериментальные или немецкие трофейные командирские башенки с перископом, позволяющим вести круговой обзор. И втискиваться за спину наводчика, чтобы твоя машина могла защищаться в бою, а ты этим боем руководить. И все танкисты понимали, что промышленность не имеет пока возможности разрабатывать и производить еще и командирские танки, рассчитанные на трех человек в башне. Понимали и сами искали выход из такого положения.

Соколов обернулся на пленного немецкого офицера, лежавшего со связанными руками за

башней, и молодого автоматчика из десантного батальона. Комбат приказал лейтенанту, сносно владеющему немецким языком, доставить пленного в штаб дивизии лично. Мало ли что, вдруг не окажется на месте переводчика. А сведения у этого немца были самые свежие. Он командовал подразделением, шедшим в атаку, он имел самый свежий приказ о проведении операции фашистами и знал расположение вражеских сил в полосе наступления дивизии.

Бой был тяжелым. Немецкая танковая группа, усиленная тяжелыми танками, пыталась прорваться к железнодорожному узлу и перерезать несколько рокадных магистралей, включая и шоссе. Успех этого прорыва помешал бы полноценной подготовке к наступлению Красной Армии на этом участке фронта. Было бы парализовано движение, а значит, сорвались бы сроки поставки вооружения, боеприпасов, резервов армии.

Алексей потерял в этом бою два танка из своей и без того обескровленной роты. Один экипаж сгорел вместе со своей машиной, продолжая стрелять до последнего. Уставший и раздраженный Соколов смотрел на пленного, и сейчас больше всего лейтенанту хотелось столкнуть этого рыжего долговязого немца с брони на землю и разрядить в него

всю обойму пистолета. И еще видеть, как тот будет молить о пощаде и валяться в ногах. Не хотят фашисты умирать. Не любят в плен попадать. Сразу вспоминают, что успели натворить на советской земле, сразу понимают, что грехи смертные и что прощения они не получают.

Оставив пленного под охраной в караульном помещении комендантского взвода, Соколов взбежал на второй этаж. Адъютант, узнав Соколова, проводил его в кабинет полковника Островерхова.

— Товарищ полковник, — Алексей вскинул руку к шлемофону, — разрешите обратиться к майору Кузнецову.

— А, Соколов, — узнал лейтенанта командир дивизии. — Обращайтесь.

Алексей подошел к командиру полка. Майор лишь кивнул устало. Кузнецов, как и все командиры его полка, не спал двое суток. И сейчас, когда бойцы отсыпались по землянкам и редким деревенским хатам, он сидел на совещании в штабе дивизии, докладывая о ночных боях и положении полка.

— Что у тебя, Соколов?

— Комбат велел лично доставить пленного немецкого офицера. И если понадобится помощь переводчика, то принять участие в допросе.

— Кстати, очень кстати, — вмешался в разговор полковник Островерхов. — И пленный офицер, и знание языка Соколовым. Оставьте своего боевого лейтенанта. Через полчаса допросим пленного. Его что, во время последнего боя захватили?

— Так точно, — кивнул Соколов. — В чине майора. Командир моторизованного батальона, который атаковал нас ночью во фланг и едва не прорвался к железнодорожному узлу.

— Вот вам лишнее подтверждение! — энергично рубанул воздух рукой Островерхов. — Соколов, останься, ты нам сегодня понадобишься.

Алексей снял с головы шлемофон и уселся на свободный стул у стены. Как только его спина коснулась стены, глаза сразу стали слипаться. Вот еще не хватало заснуть во время совещания в штабе дивизии. Надо было срочно что-то предпринимать, а то опозоришься на все соединение. И Соколов, вцепившись пальцами в руку, стал больно щипать себя ногтями. До боли, так, чтобы терпеть из последних сил. Так сосредоточившись на боли, он сумел немного отогнать сон, а заодно и услышать, что обсуждало командование.

— Что мы имеем на сегодняшний день, товарищи. — Островерхов подошел к карте на стене. — Партизанские отряды по всей полосе

оперативных немецких тылов рвут железнодорожные пути и мосты, подрывают военные эшелоны. Немцы едва успевают чинить полотно. Они стянули сюда большое количество специализированных подразделений, сгоняют даже местное население. Подведено из тыла и снято с передовых в общей сложности примерно около трех полков и два батальона фельдполицей. За последнюю неделю трижды маршевые части противника вместо того, чтобы отправляться на позиции, бросались на прочесывание местности. Все это негативно сказывается на попытках немцев форсировать работы по укреплению своей обороны. Но имеется и иная тенденция. По сведениям партизан, которые они передали нам, на станцию Рошино-Узловая свезены сотни тонн рельсов и несколько составов шпал для восстановления путей. Такое количество, если оно подтвердится, может говорить лишь об одном — о срочном восстановлении большого участка взорванных путей и срочной переброске резервов в район нашего предстоящего наступления или немецкого контрнаступления. Оперативный отдел штаба армии полагает, что гитлеровцы могут перебросить на наш участок несколько танковых частей с Харьковского направления. Не нужно объяснять, что такое количество бронетехники

сведет на нет все наши усилия по подготовке наступления, а может быть, и остановит его. По крайней мере, мы понесем такие потери, что боеспособность дивизии упадет ниже некуда. Приказ командования вполне четкий, и отменять его никто не намерен. Дивизия должна выполнить задачу любой ценой.

— Значит, нужно срочное подтверждение сведений о грузах на станции Рошино-Узловая, — развел руками Кузнецов. — И, видимо, выслать лучше нашу разведгруппу. Времени не остается на то, чтобы отправить задание одному из партизанских отрядов, а затем переправить сведения через линию фронта к нам.

— Более того, — поддержал майора командир дивизии. — Нужно еще точно оценить силы противника, охраняющие станцию и подходы к ней, объемы и расположение грузов. Рошино-Узловая — это два километра шестипутного сортировочного узла и восемь отстойников. Нам нужно будет в соответствии с полученными данными нанести авиационный или артиллерийский удар по эшелонам с рельсами и шпалами. Если сведения окажутся неточными, удар будет нанесен впустую и гитлеровцы все же используют эти ресурсы для восстановления путей. Вот поэтому я и попросил задержаться лейтенанта Соколо-

ва. Он у нас признанный специалист по рейдам и действиям в тылу врага. Как, товарищ лейтенант, справитесь?

— Так точно, товарищ полковник! — Соколов тут же поднялся, как и положено по уставу, когда к тебе обращается старший по званию. — Только у меня рота не в полном составе. Были большие потери за последние недели. Пополнение еще не прибыло. В роте боеспособных машин, на которые можно рассчитывать в данной операции...

— Нет, лейтенант, — покачал головой Островерхов. — Роту мы тебе не дадим. С ротой танков ты передовую не проскочишь. Тут надо «на кошачьих лапах», одной «тридцатьчетверкой». Где лесочком, где балочкой, а где и с боем прорваться. Оценить систему огневых точек на подступах к станции, разглядеть составы и их расположение, на карту нанести. Кроме станции, нас интересуют еще и автодороги рокадного направления.

— Понял, товарищ полковник. — Соколов, сосредоточившись, помолчал, потом добавил: — Мне придется наводчика оставить здесь. Когда такой рейд намечается, то не столько воевать предстоит, сколько оперативно маневрировать и головой крутить на все триста шестьдесят градусов.

— Вы что же, не доверяете экипажу вашей командирской машины? — удивился Островер-

хов. — Я полагал, что командиры подразделений подбирают себе лучшие экипажи.

— Доверяю, товарищ полковник, — поспешно ответил Алексей. — Если бы не доверял, то в бой бы с ними не пошел. А с этим экипажем я третий год воюю, горели вместе. Просто во время боя, когда приходится командовать ротой, еще кое-как можно потесниться втроем в двухместной башне. Но рейдовать одним танком, тут...

— Я считаю, товарищ полковник, что экипаж справится и без ротного командира, — неожиданно вставил майор Кузнецов. — Я хорошо знаю этот экипаж. Командир танка старшина Логунов — отличный танкист, опытный командир, у которого за плечами финская война. Экипаж слаженный, работает в бою умело, у них полная взаимозаменяемость. Не стоит создавать лишние сложности. А Соколов нам понадобится здесь, для допросов пленного. Я не думаю, что мы обойдемся быстрым разговором на полчаса. Ваш переводчик вернется, как мне кажется, дня через два. Вот Соколов его пока и заменит.

— Ну, приняли решение, — согласился Островерхов.

Алексей вышел на улицу и пошел к «Зверобою», стоявшему у покосившегося забора старого и почти сгоревшего во время боев сквера с танц-

площадкой. До войны здесь, в этом городке, наверняка по субботам играл духовой оркестр, и люди приходили танцевать, есть мороженое, просто гулять с детьми по дорожкам сквера. Тихо, мирно. И вот таким же сентябрьским днем они смотрели на желтеющие листья, на пронзительно голубое небо и совсем не думали о войне. Нет, думать, конечно, думали, поскольку приходили тревожные вести из-за рубежа. Тревожно было на душе, но все надеялись, что Советский Союз все же не будет втянут в жестокую и бессмысленную войну.

Как же давно все это было. Танцы, мирное небо, тихие вечера, прогулки с девушками. Алексей остановился и потер руками лицо. Спать хотелось невероятно. Надо умыться холодной водой. И чаю бы сейчас горячего, крепкого и сладкого. Соколов поспешил к танку, издалека увидев ноги Бабенко и его спину. Механик-водитель копался в трансмиссии, повернув танковую башню в сторону и открыв лючок. Коля Бочкин стоял рядом с ключами и что-то рассказывал Семену Михайловичу, подавая то один ключ, то другой, то пассатижи. Изнутри слышалась музыка. Это Руслан Омаев опять слушает эфир, пытается узнать какие-то новости, которые передают по радио в сводках Совинформбюро.

— О, командир! — раздался сбоку голос. Лейтенант увидел старшину Логунова с охапкой хвоста. — Хлопцы, командир вернулся!

Экипаж, как по команде, повернул головы, а из люка показалась физиономия Омаева. Когда Алексей подошел к боевой машине, все танкисты столпились возле него, видя встревоженное лицо командира. Логунов бросил хвост и велел Омаеву разжечь костерок, вскипятить воды. Бабенко бросился было сам заниматься приготовлением чая, но лейтенант остановил его.

— Семен Михайлович, как машина, каково состояние? — спросил он механика-водителя, зная, что Бабенко при каждом удобном случае будет проверять, осматривать материальную часть. Очень он не любил, когда техника подводит в самый неподходящий момент. И очень не любил Бабенко подводить своего командира.

— В норме, Алексей Иванович, — тихо ответил сержант. — Есть небольшие проблемы, но они пока не особенно страшны. Два амортизатора подтекают, но еще побегают. Тяги фрикционов я подтянул, одну заменил. Масло подлил. Расход в норме, запас пока есть.

— Хорошо. — Соколов расстегнул комбинезон, гимнастерку и засучил рукава. — Коля! По-

лей мне воды холодной! Умыться надо, а то на ходу засыпаю.

Бочкин налил из канистры в котелок немного воды и подошел к командиру. Алексей с наслаждением плескал на лицо ледяную воду, растирал шею, чувствуя, как по телу побежали мурашки. Рядом запахло дымком. Разгорался костерок, на который Омаев поставил котелок с водой. Наконец, закончив вытираться полотенцем, Соколов застегнул гимнастерку и комбинезон, поправил портупю. Сонливость исчезла, и снова голова заработала легко и ясно. Алексей посмотрел на своих танкистов, и сердце его сжалось. «А ведь они не знают, что отправятся на опасное задание без меня. Одни. Сколько мы уже не расставались. Сколько сотен и тысяч километров намотали на гусеницы «Зверобоя» и всегда были вместе. Мы ведь как одна семья с ребятами, — подумал Алексей. — Семен Михайлович, хоть и не намного нас старше, а все, как отец, заботится. Логунов как старший брат. Всегда подставит плечо, всегда примет часть забот на себя. А Коля и Руслан. Младшие братишки. Веселые и шаловливые, но что делать — молодость. Да мне ведь и самому не намного больше, чем Омаеву и Бочкину, но я прошел этот путь с 22 июня 41-го года. Я командир, которому Родина вручила оружие и власть над

подчиненными. А получилось так, что мы стали почти семьей. Вот как война сближает людей, роднит. Смерть, которая ходит рядом, сближает. А теперь вон придется разлучиться, хоть и ненадолго».

— Что, командир, задание? — деловито спросил Логунов, пытаясь беспечно улыбаться, но интуиция опытного солдата, прошедшего до этой войны еще и финскую, подсказывала, что дело серьезное.

— Задание, ребята, — кивнул Соколов. — И задание это только вам, только экипажу. Я остаюсь в штабе дивизии.

— Как же так? — удивился Коля Бочкин, выронив полупустой котелок, и сразу замолчал под суровым взглядом Логунова.

— Ну что вы, Алексей Иванович! — Бабенко с каким-то виноватым видом развел руками. — Ну, раз надо, значит, надо. Вы только не волнуйтесь за нас и не переживайте. Разве мы вас когда-нибудь подводили? Все сделаем как следует, все выполним.

Теперь Логунову пришлось строго посмотреть и на механика-водителя. Бывший инженер-испытатель Харьковского завода, раньше всех познакомившийся с «тридцатьчетверкой», когда она еще существовала только в чертежах, даже за два года войны так и не сумел стать военным челове-

ком, обрести военной выправки и разговаривать с командиром строго в соответствии с Уставом Красной Армии. И уж тем более в такую минуту не следовало расслабляться.

— Какая у нас задача, товарищ лейтенант? — спросил старшина.

— Через час вам поставят задачу в штабе дивизии. Ну, а пока я вам сам расскажу, чего от вас ждут. Ваша задача — проведение в составе одной машины разведки в районе железнодорожной станции Рошино-Узловая. Установить, какими силами охраняется станция, определить местоположение и примерное количество заготовленных для проведения ремонтно-восстановительных работ железнодорожных рельсов и шпал. Нанести на карту места складирования или нахождения железнодорожных платформ с рельсами. А также положение огневых точек и сектора обстрела. Вы должны доставить данные, которые могли бы использовать для уничтожения груза рельсов диверсионной группой или партизанами. Не факт, что по станции будет нанесен авиационный или артиллерийский удар. Сами понимаете, товарищи, что рельсы нужны и нам. Железная дорога — это кровеносная артерия как в военное время, так и в мирное, когда придется восстанавливать города, заводы, хозяйства.

— Понятно. — Логунов сдвинул шлемофон на затылок и в задумчивости почесал лоб. — Задача веселенькая, конечно. С одной стороны, танком прорваться легче и взять нас за броней не так просто. А с другой стороны, в кустах не спрячешься, в канаве не отлежишься. Хотя в танке мне привычнее. Без него меня отправь на такое вот задание, и я буду чувствовать себя как голым. А голым воевать как-то неудобно. Ладно, нам лишь бы помогли «передок» проскочить, а там уж... Не впервой!

— Товарищ лейтенант, а почему вас с нами не пускают? — спросил уныло Бочкин.

— А потому, Коля, — Соколов с улыбкой положил руку на плечо заряжающему, — что я здесь нужен. И вам не так тесно будет в башне. Я вон Василию Ивановичу сапогами на спине уже мозоль натер.

— Веревка нам нужна, — добавил Бабенко. — Метров десять или двадцать. Как передовую проскочим, придется маскировку наводить. Ветками, молодыми деревцами броню закрывать. И лучше их хорошенько привязывать, чтобы не соскочили во время движения. Хорошо, что мы месяц назад, когда готовились десант на броню везти, наварили дополнительные скобы на башню и на борта.

— Боекомплект пополнить надо, — напомнил Бочкин.

— Прибор ночного видения нам нужен¹, — сказал Бабенко.

— Будет, — пообещал Соколов. — Сегодня установят.

— Хорошо, тогда бы погоду нам пасмурную кто организовал. Милое дело ночью передвигаться!

Пока экипаж занимался подготовкой к выполнению поставленной задачи, Соколов присел в сторонке на пеньке с Логуновым и развернул карту. Экипаж перед заданием получит крупномасштабные карты всех районов, в которых им предстоит действовать. У карты, которая имела у Алексея, масштаб был мелковат, но для обзора местности все же годился.

— Смотри, Василий Иванович, вот эта чертова станция. — Лейтенант обвел карандашом значок на карте. — Подойти к ней скрытно можно. Все

---

¹ Уже в 1941 году Всесоюзный электротехнический институт разработал первый прибор ночного видения. Появились модели для оснащения автомобилей и бронетехники и портативная версия прибора для разведчиков. Прибор позволял ехать в полной темноте со скоростью до 25 км/ч, так как видимость была ограничена 30 метрами.

зависит от того, в каком месте вас решено будет переправить через линию фронта. Сейчас почти все пути, что ведут к станции, взорваны партизанами. Восстановительные работы, по сведениям нашей разведки, ведутся лишь на двух участках. Вот здесь, но они от вас далеко. Это развилка. И вот здесь, непосредственно к югу от станции. В обоих местах, если там окажетесь, придется передвигаться только ночью. Можно подойти к станции севернее, вдоль полотна железной дороги. Тут широкая полоса отчуждения и неглубокий откос. Но только от поворота до поворота. А вот здесь есть просека, которая не отмечена на карте. Помнишь, месяц назад мы ее проходили, когда с батальоном нас бросили в составе резерва на северный фланг обороны?

— Просеки не помню, — покачал старшина головой. — Мы же лесом тогда не шли?

— Не шли, я тогда с другими ротными у танка Никитина совещался. Тебя рядом не было. А комбат сказал, что просека есть. Ее в начале лета 41-го проложили, когда делянки оставляли для вырубki. Не попала она на карты. А ширина там четыре метра. Под трелевочную технику оставляли. Большие деревья там еще не выросли, а молодой подрост можно и под гусеницы пустить. Ты, главное, не горячись. Твоя пушка

и броня нужны только в крайнем случае: чтобы выбраться оттуда или когда вас прижмут и напролом придется идти. А в других случаях «Зверобой» вам только как средство передвижения нужен.

Лиза Зотова торопливо шла, почти бежала по коридору консерватории. Она распахнула ватник, стащила с головы шерстяной платок и, не замечая, что он волочится за ней по полу, то и дело останавливала встречных.

— Вы Варвару Дмитриевну не видели? Афанасьева к вам не заходила?

Девушка буквально ворвалась в гримерку, где актриса уже надевала плащ. Увидев девушку, Афанасьева удивленно замерла на месте.

— Лиза? Как вы здесь очутились? Ведь ваш коллектив должен только завтра вернуться...

— Варвара Дмитриевна! — Девушка перебила своего педагога и схватила ее за руки. — Варвара Дмитриевна, я должна ехать с вами!

— Лизонька, но как вы попали в город, ведь ваш...

— Варвара Дмитриевна, я просто узнала, что вы едете с концертной бригадой на фронт, я на попутках добиралась полтора дня, не спала и не ела. Но я просто хотела успеть. Поймите, там Николай, там Коля, танкист!

— Так, Лиза, давайте-ка успокойтесь. — Женщина устало улыбнулась и провела рукой по волосам своей студентки. — Девочка моя, вам надо учиться. У вас талант, и вам надо беречь горло, легкие. Вы знаете, что такое ездить с концертами по фронтам? Это холод, сырость, бомбежки. Это грязь и кровь. А вы должны нести свет своего таланта людям, и для этого нужно отбросить все и учиться, только учиться!

— Варвара Дмитриевна, вот я и хочу нести этот свет сейчас. И туда, где его нет, где тьма и смерть. Там ведь солдаты, наши защитники. Они ведь каждый день, каждую минуту жизнью рискуют. Я буду учиться, но сейчас я должна попасть туда. Я чувствую, это нужно. И мне, и ему.

— Вы любите его? — понимающе кивнула Афанасьева.

— Люблю! — пылко ответила девушка и покраснела. Она опустила глаза и добавила совсем тихо: — И он меня очень любит. И я знаю, что эта любовь его там согревает и бережет. Прошу вас, возьмите меня в этот раз. Я смогу его увидеть, поддержать, а потом вернусь и снова буду учиться. Война ведь не вечная, вечно только солнце, которое встает по утрам, правда?

А вечером Лиза сидела в холодной комнате студенческого общежития консерватории и пере-

бирала письма Коли Бочкина: серые потрепанные треугольнички, свернутые из бумаги. Девушка плакала, перечитывая снова и снова написанные неровным торопливым почерком письма от своего танкиста. И вспоминала их встречу, когда она, раненная в ногу, не смогла эвакуироваться со своими и попала в госпиталь. Вспоминала знакомство с Колей, как день за днем развивались их отношения, как возникла и крепла их любовь. А потом переписка, переписка. Полные нежности письма от Коли, и полные тревоги письма Лизы. «Если бы я могла, — думала девушка, — если бы в моих силах было взмыть в небо и полететь туда, где взрывы, и в самую трудную минуту накрыть его своими руками, будто крыльями, уберечь, спасти. Мой Коля, как ты там? Я приеду к тебе, пусть ненадолго, пусть всего на минутку, но лишь бы увидеть тебя, лишь бы придать тебе сил, мой солдат, помочь тебе, поддержать своим теплом, своей любовью».

ГЛАВА 2

Старик Финагенов не подвел. Эта низинка хоть и выглядела как остальные, но почва тут была каменистая. И там под слоем грязи пряталась не пропитанная влагой жижа, а плотный камени-

стый слой. Финагенов рассказывал, что в самую дождливую осень он там проезжал на тракторе и ни разу не завяз. «Зверобой» прошел. На малых оборотах, «внатяг», пока слева артиллеристы накрывали переднюю линию обороны немцев шквальным огнем, добавляя в залпы фугасными снарядами еще и снаряды дымовые. Пасмурный вечер скрылся в дыме и грохоте.

В перископ командирской башенки, приютившейся слева от люка, было мало что видно, и Логунов открыл люк, высунул голову и подавал команды Бабенко, крутя головой и всматриваясь в темноту. Теперь оставалось самое трудное. Впереди вторая линия обороны, и ее прорывать придется с «шумом». Расчет был на то, что в сумерках «Зверобой» проскочит и потеряется в темноте. Немцы не смогут преследовать неизвестный танк ночью. И тогда появится возможность затеряться в складках местности, в лесах, оторваться от возможного преследования, выйти в тактические тылы фашистов, а там уже двинуться в нужном направлении.

Включив фонарик, Логунов снова посмотрел на карту. Сейчас балка закончится. А вон и деревья чернеют на краю, на фоне затихающего заката. Какие слова-то в голову приходят, усмехнулся танкист. Стихи, что ли, писать начать? А ведь

и правда закат затихает. Так полыхал сегодня, как огнем горел, а сейчас в ночь спускается. Эх, какая она будет, эта ночь?

— Семен, приготовься, — передал старшина по ТПУ¹. — Примерно через две сотни подъем. Жди команды. Экипажу усилить наблюдение по секторам во время подъема.

Как только танк выберется из балки, а сделать это нужно быстро, с первой попытки, без буксовки, перед ним откроется открытое пространство. Самый опасный участок, когда будет виден «Зверобой». После подъема нужно пройти около сотни метров вперед, а там его уже скроет опушка леса. Небольшой мысок. И еще через сотню метров лесная дорога даст возможность скрыться. Но вот тут и возникала опасность. У немцев в этой местности вполне может оказаться опорный пункт. Слева от леса небольшая возвышенность. Просто повышение рельефа на десять метров. Дураком надо быть, чтобы не организовать там огневую точку. Наверняка там

---

¹ Т П У (танковое переговорное устройство) — система внутренней связи экипажа танка. Обеспечивает передачу речевых сообщений между членами экипажа и коммутации любого из них на внешнюю связь, а также на связь с командиром возможного пехотного десанта на танке.

есть пулеметно-пушечная огневая точка. Может, бетонный капонир немцы успели залить, может, просто построили дзот.

Логунов хотел приказать Бочкину зарядить пушку осколочно-фугасным снарядом, но в последний момент передумал. «Дурак я! Они нас будут видеть минуту, может, чуть больше или меньше. Не успеют сообразить, что это появилось, что едет. А пока сообразят, мы уже скроемся. И если по нам выстрелят орудия, то нельзя отвечать. Пусть думают, что в своих пульнули, пусть думают, что померещилось. А если ответить огнем, то сразу станет понятно, что едет советский танк. Нет, не дам я им такой подсказки! Стрелять будем только тогда, когда вражеский танк появится, когда возникнет угроза, что нас могут подбить».

— Семен, внимание! Видишь справа дерево? От него начинается подъем. Колеи нет, трава под гусеницами.

— Вижу, Вася! — отозвался Бабенко, с натугой передвигая рычаг переключения передачи. — Ну-ка, вытягивай, дружок! Пошел, пошел, пошел!

Ровный гул двигателя стал громче, появилась вибрация корпуса. Дважды почувствовалось, как гусеница проскользнула по камням, танк чуть повело в сторону, но опытный водитель выпра-

вил машину, не меняя тяги, и танк по-прежнему продолжал ползти вверх по склону. Логунов прикинул угол, под которым поднималась машина. Уровень наклона пушки не стоит трогать, нужно только развернуть башню чуть влево. Градусов на двадцать. Там возможна цель. Еще немного. Логунов снова высунул голову в люк танка, подставляя лицо сырому сентябрьскому ветру.

Холм слева он увидел сразу, на фоне посе-ревшего неба. Нечеткая граница, но он ее все же заметил. Там темно и никакого движения. Но это не значит, что в этой тишине не замерли фашисты, наблюдая за местностью, прислушиваясь к странным звукам и лязгам. Танк вынырнул из низинки и «клюнул» стволом пушки, чуть не задев землю. Амортизаторы тут же выпрямили тяжелую машину, и Логунов вцепился руками в край люка. Впереди на еле приметной грунтовой дороге стоял грузовик.

— Не стрелять! — успел выдохнуть старшина. — Бабенко, дави грузовик!

Удар гулом пронесся в недрах танка. Много-тонная махина заскрежетала гусеницами, чуть приподнявшись, тут же опустилась, сминая металл, разрывая с треском доски кузова. Логунов опустился в люк, чтобы не поймать случайную пулю. Он успел увидеть, что два немецких сол-

дата склонились над открытым мотором машины. Они не успели отскочить, когда из темноты с лязгом появился танк и вдруг подмял грузовик, разметал по дороге обрывки металла и брезента и опять ушел в ночь.

Логунов снова высунул голову из люка. Здесь, возле самого леса, было намного темнее. Наступала ночь. Старшина прислушался к гулу двигателя, к лязгу гусениц. Кажется, все в норме. Логунов с его опытом вполне мог только по звуку работающего мотора, по характерному лязгу гусениц понять, почувствовать, что где-то в танке назревает проблема, что может случиться поломка или уже что-то не так с боевой машиной.

— Семен, сбавь скорость, — приказал он Бабенко. — Переходи на первую передачу. Сейчас будет поворот на лесную дорогу.

— Пеньки, опасно, — отозвался механик-водитель.

— Лейтенант советовал этот путь. Говорил, просека расчищена прямо перед войной под трелевочные трактора. Не успели там толстые стволы вырасти. Смело можешь подрост давить.

— Ну, если Алексей Иванович сказал, тогда можно, не боясь, идти.

Где-то в глубине души у Логунова шевельнулся червячок ревности. «Соколову верят, а я, зна-

чит, могу и ошибаться. А у меня опыта побольше, чем у лейтенанта. Что это я, — осадил сам себя старшина. — Все правильно, и Бабенко Соколову верит, да я и сам со своим опытом ему доверяю больше, чем себе. Все правильно, пусть верят лейтенанту, с такой верой люди без страха в бой идут. Командиру надо верить. А мне надо такую веру в лейтенанта поддерживать в экипаже».

«Зверобой» по большой плавной дуге свернул к просеке. Такой маневр умел проделывать только Бабенко. Не с ревом двигателя на месте на одной гусенице, чтобы с корнем весь дерн содрать, да на катки намотать, да чтобы противник за версту видел, что тут танк разворачивался. Механик-водитель поворачивал очень плавно, работая фрикционами, чуть притормаживая одной гусеницей. Как он видел в темноте, самому Бабенко неизвестно. Но бывший инженер-испытатель умудрился провести танк между двумя толстыми стволами деревьев и плавно уйти на просеку, не оставив за собой здоровенного пролома в осиновом подросте. Как на цыпочках прошел, усмехнулся старшина.

Танк качнулся, останавливаясь. Бабенко размял плечи, несколько раз сжал и разжал пальцы рук, потом стал натягивать на шлемофон ремни с окулярами прибора ночного видения.

Логунов разрешил заряжающему и радисту-пулеметчику подремать. Сейчас все равно необходимости в бодрствовании всего экипажа не было. Видимость ограничена, следов техники не видно. Не было здесь немцев. Здесь вообще года два никого не было. Усевшись на край люка, Логунов смотрел вперед по сторонам, иногда подсказывая Бабенко более легкий путь, если впереди вдруг появлялось дерево покрупнее или если он замечал, что росли они гуще. Танк шел неторопливо, мерно шлепая гусеницами, треща подминаемыми стволиками молодых деревьев. Темнота, тишина. Спокойно вроде, но как-то тревожно на душе. Больно уж легко прошли передовую.

Пять часов прошли незаметно. Заметив небольшую полянку, Бабенко вывел на нее танк и заглушил двигатель. Сразу навалилась влажная промозглая тишина. Старшина спрыгнул с брони на землю и подошел к переднему люку. Механик-водитель тер пальцами глаза.

— Хорошее место, Семен, — сказал Логунов. — Давай, поспи немного. Сейчас светает в половине седьмого. За два часа до рассвета разбужу: проверим машину, перельем из запасных баков горючее в основные и двинемся дальше.

Разбудив Бочкина, Логунов приказал ему охранять машину, а через два часа передать пост

Омаеву. Завернувшись в брезент, он улегся на горячий двигатель «Зверобоя» прямо за башней и тут же уснул. Привычка спать в любых условиях срабатывала на войне безотказно. Уютно потрескивал, остывая, двигатель, в голове закружились невнятные смутные мысли, которые то исчезали, то снова выплывали, унося человека в мир снов. Потом Логунов уснул крепко и без всяких снов. Как всегда спят на войне, используя каждую минуту для отдыха.

В половине пятого утра Логунов проснулся сам, будто от толчка. Он услышал голос Бабенко, который советовал, как и где лучше разжечь его горелку, заправленную дизельным топливом. В самом начале войны Семен Михайлович придумал ее и сам собрал из подручных средств в мастерской. Экономичная, незаметная в темноте и очень эффективная, когда надо быстро согреть литр воды, чтобы напоить экипаж горячим чаем. Коля Бочкин и Руслан чему-то посмеивались. Слышен был плеск воды. Значит, умывались. Вот молодежь, и война им нипочем. Тут изведешься весь, мысли одна мрачнее другой. Ответственность такая, что удавиться хочется, а им смешно. Молодость, молодость.

Крепкий чай заварили прямо в котелке, положив туда сразу и сахар. Сидя на расстеленном

брезенте, торопливо съели по банке тушенки на двоих, выпили горячий и очень сладкий чай и начали готовить танк к дальнейшему пути. Пока Бабенко с фонарем проверял гусеницы, амортизаторы, трансмиссию, экипаж заправил основные баки танка горючим. Заниматься этим днем будет некогда. Возможен бой, снова начнутся гонки по пересеченной местности, и Бабенко будет выжимать из машины все возможное. Логунов собрал экипаж возле танка и развернул карту. Небо светлело, но в лесу еще было темно. Бледный луч командирского фонарика скользил по листу топографической карты.

— Смотри, Семен, мы сейчас примерно вот здесь. — Логунов обвел небольшой участок леса на карте тупым концом карандаша. — Просека идет под углом к опушке леса, и мы выйдем где-то вот здесь в прямой видимости от железной дороги. По сведениям партизан, она не действует, потому что полотно взорвано в трех местах западнее этого места. Так что станция на востоке.

— Выйти-то мы выйдем, — спокойно ответил Бабенко. — А вот как ты дальше действовать собираешься?

— Так же, как действовали до сих пор. Времени у нас с вами очень мало, товарищи. Поэтому открытое пространство между этим лесом, где мы

сейчас, и Щекинским лесным массивом проскочить придется хоть с боем, хоть как. Наверняка нас засекут и кинутся в погоню. Оторваться надо километров за тридцать от станции, чтобы фашисты не поняли, куда лежит наш путь. Вот здесь, смотри, Семен Михалыч, овражки с пологими склонами, речушка мелкая. Здесь можно затеряться, а потом проскочить в лес.

— Дорог через лес мало, — провел пальцем по карте Бабенко. — И в нужном нам направлении совсем нет. Вот здесь, со стороны оврагов указано, что преобладает лиственный лес, береза и осина. Редколесье. Выскочим из оврагов, и я проведу нас осторожно между деревьями в глубь леса.

— Хорошо. Но возможен бой. Если у них зенитная батарея прикрывает станцию на таком расстоянии, то нам скучно не будет. Одно попадание, и хана. Маневрировать четко и быстро. Коля, чтобы со снарядами не мешкал! Так, если повезет прорваться к оврагам и уйти в Щекин лес, то уходим вот сюда, в ельник, ближе к восточному краю леса. Отсюда будем вести разведку. Ситуация сама подскажет, как близко можно подъехать «Зверобою» к станции. В противном случае придется побегать ножками.

— А что партизаны говорили об охране станции? — спросил Омаев. — На их сведения можно ориентироваться?

— То, что я узнал от Соколова, не очень обнадеживает. Партизаны не смогли оценить силы охраны. Восемь вышек с пулеметами. Территория огорожена колючей проволокой и патрулируется круглые сутки. Охрана живет в здании бывшего железнодорожного училища. Судя по размерам здания, больше батальона оно вместить не способно. Скорее всего две роты солдат, пара зенитных батарей, возможно, один или два минометных взвода и четыре дзота с пулеметами. Еще они видели грузовые железнодорожные платформы, которые прицепляли к составам. На платформах мешки с песком. Думаю, что там тоже пулеметы или даже минометы. Бронепоезда партизаны не видели, и от этого как-то легче.

— А ремонтные подразделения? — спросил Бабенко. — О них тоже шла речь.

— Якобы ремонтные подразделения живут в теплушках. Они и прибыли на станцию по железной дороге. Вот и все сведения. Наша задача определить, где стоят составы с рельсами и шпалами, а также уточнить имеющиеся сведения о системе обороны станции. А это шесть

рядов путей почти по полтора километра. Это отстойники и запасные пути. И дальние тупики, куда загоняют лишние вагоны. Так что площадь станции большая.

Бабенко повел танк по просеке, когда первые лучи солнца начали пробиваться через кроны деревьев. Логунов то и дело сверялся с картой, размышляя о возможных вариантах развития событий. Фашисты о просеке скорее всего не знали. Но о том, что советский танк проехал недавно по дороге и раздавил военный грузовик, немецкое командование наверняка уже знает. Значит, искать этот танк-призрак будут. Нельзя оставлять в тылу такую угрозу. Тут ведь передвигаются важные особы в генеральских чинах, перевозятся документы, приказы, планы. Снабжение идет тоже по дорогам. И тут вдруг русский танк, который может натворить столько бед, что потом перед вышестоящим начальством не оправдаешься. Будут искать, но танк пропал. Значит, немцы станут гадать, куда он делся, где он мог спрятаться и... Будут пытаться устраивать ловушки и кордоны, чтобы перехватить этот неизвестный, но очень опасный танк.

— Вася, давай свернем с просеки, — остановив машину, предложил Бабенко. — Смотри, здесь можно правее лесом выйти. Мы намного

ближе окажемся к оврагам, если выйдем правее просеки?

— Даже немного дальше, — задумчиво прозвучал в шлемофоне голос командира танка. — Я вот тоже думаю, а с этой стороны леса, куда мы идем, там просека хорошо видна? Может, немцы ее заметили и прикидывают, не здесь ли мы появимся.

— Вот и я о том же.

— Так, ладно, — голос Логунова снова приобрел стальные интонации. — Решение принято. Бабенко, выводи «Зверобоя» правее просеки. Точное направление к оврагам я подскажу. Всем быть наготове. Вперед, Семен!

Очень хотелось Логунову сразу развернуть башню влево, по лесу так не проехать, пушка будет цепляться за стволы деревьев. Почему влево? Интуиция подсказывала, что засаду сделать удобнее именно левее просеки. Услышат рокот двигателя те, кто находится за лесом? Могут, даже скорее всего услышат. Хотя, судя по движению верхушек деревьев, с утра поднялся ветер. А шум леса может заглушить шум танкового двигателя.

— Семен, правее забирай, — машинально приказал старшина, думая лишь о том, чтобы выйти из леса как можно дальше от просеки.

Жаль, что вообще нельзя еще немного проехать, не выезжая на опушку.

— Вижу, вижу, — отозвался механик-водитель, — правее реже деревья растут. Опушка близко.

— Будь готов сделать на опушке «короткую»!

Логунов приник к перископу, поворачивая его вправо и влево. Вот уже лес совсем стал редким. И вправо от направления движения танка стало просматриваться поле, поросшее бурьяном и мелким кустарником. И дальше понижение местности. Он снова развернул перископ влево. Еще немного, еще двадцать метров и...

— Коля, бронбойным! — заорал старшина и опустил к прицелу, бешено вращая две рукояти: поворота башни и угла наклона ствола орудия.

Три «тигра» стояли на опушке почти незамаскированными. Немецкие танкисты поленились и воткнули перед своими машинами лишь несколько срубленных стволиков осинок. Положение танков, разворот башен и такая слабая маскировка послужили подсказкой к принятию решения. Немцы не были готовы встретить советский танк. Они здесь стояли потому, что им приказали. Не готовы они мгновенно включиться в бой. Разумеется, никто не сидел на броне в тру-

сах и не играл на губной гармошке. Наверняка экипажи сидели в танках и ждали команды своего командира. Но убежденности в том не было, ибо это была «дежурная» готовность. А такое поведение врага давало «Зверобою» несколько секунд времени. А еще гитлеровцам придется доворачивать башни. Да, у них башню вращает электромотор, но и ему нужно время.

«Тридцатьчетверка» появилась не из просеки, откуда ее ждал немецкий командир, а гораздо дальше и ниже. Там, где уже начинался понижаться рельеф. И пока он подавал команду, похолодев от того, что проворонил русский танк, что этот призрак все же появился там, где его меньше всего ожидали, «тридцатьчетверка» остановилась, качнувшись на амортизаторах. Ее башня была уже повернута в сторону врага. Гулко ударил орудийный выстрел, и командирский «тигр» вздрогнул от удара в нижнюю часть корпуса. По команде своего лейтенанта два танка успели выстрелить по русской «тридцатьчетверке», но наводчики поспешили, и два бронебойных снаряда прошли выше танка, зарывшись в землю далеко в поле.

«Вперед!» Два «тигра» смяли деревца, которыми были замаскированы, и, выбросив клубы дыма, рванули в погоню за советским танком.